

Петр Дуткевич¹**ЧЕТЫРЕ ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
КРАТКОСРОЧНЫЙ ПОСЛЕКРИЗИСНЫЙ СЦЕНАРИЙ**

Глобализация, какой мы ее знали, завершилась. Отдельные страны намереваются защищать прежде всего себя, а уже затем — глобальные рынки. Протекционизм, как явный, так и скрытый, постепенно завоевывает позиции в качестве политики вопреки противоположным публичным заверениям. Финансовые центры и центры власти смешаются, внося типичную кейнсианскую «рыночную неопределенность» в общественные и политические процессы.

Три процесса определяют современные макроэкономические тенденции — неравномерная скорость и глубина экономического восстановления, усиление «новых полюсов роста» и применение регионально дифференцированных экономических стратегий с целью восстановления.

Ключевыми являются следующие вопросы: какие модели международного развития возникают в мировой системе? Как в общих чертах описать их влияние в последующий период (3–4 года)? При ответе на эти вопросы необходимо учитывать, что по крайней мере четыре политических и экономических процесса будут определять ближайшее будущее мировых рынков.

Первый процесс — неравномерное развитие мировых рынков в 2010 году, а вследствие этого — несоразмерность скорости и глубины восстановления экономики в различных государствах. В сущности,

¹ Директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете (Канада), доктор философии, профессор. Руководитель проектов по региональному развитию, страхованию безработицы, социальной политике и рынку труда. Эксперт по молодежным рискованным проектам в России. Автор книг: “New Europe. The Impact of the First Decade, Volume 1: Trends and Prospects”, “Theory and Practice of the Civil Society in Russia”, “Basics of Local Governance”, “NATO Looks East”, “Ukraine: Social and Economic Transformation”, “The Worst is Over?”, “Democracy Without Liberalism”, “Unemployment Insurance in Canada”, многочисленных глав в книгах и статей в профессиональных журналах. Член совета Всероссийского фонда защиты прав человека, член дискуссионного клуба «Валдай».

глобальная экономика в 2010 году функционировала нормально. Пример тому — то, что глобальный объем выпускаемой продукции вырос почти на 5 %. Это больше, чем прогнозировалось. Самые мрачные предсказания не реализовались. Однако восстановление экономики осуществляется в разных формах. Китайская экономика не испытала каких-либо серьезных потрясений, а экономики Индии и Бразилии, несмотря на высокий уровень инфляции и рост цен на продовольствие, переживают период расцвета, о чем свидетельствует 7–8-процентный рост валового внутреннего продукта (ВВП). К ним примыкает большинство стран с развивающейся экономикой.

В Америке все складывается иначе. Возникшие экономические и политические проблемы продемонстрировали, что крупнейшая в мире экономическая и военная держава лишилась уверенности и стала более уязвимой по отношению к внешним вызовам. Данный факт не остался незамеченным как странами-аутсайдерами, так и государствами, приобретающими все большее влияние. Европа, несмотря на предпринимаемые ею усилия, не может рассматриваться как единое целое: экономика Германии — «здоровое ядро» — окружена предрасположенными к неблагоприятному развитию экономикой Ирландии, Греции, Португалии и Италии.

Другими словами, мировая экономика движется по пути разделения на три макроэкономические зоны: вновь появляющиеся расширяющиеся рынки (включая большинство стран — членов БРИК, группы пяти быстроразвивающихся государств), фрагментированный Европейский Союз и отстающая Северная Америка. Эти три макроэкономических региона развиваются в различных направлениях.

Во-первых, их разделяют не только «традиционные» барьеры (такие как уровень человеческого и финансового капитала и т. д.), но и совместное на-

следие экономического кризиса и разные политические установки, касающиеся их будущего.

Во-вторых, в каждой из трех зон «послекризисного восстановления» имеются собственные внутренние «ядро и периферия». До недавнего времени внутрирегиональное сотрудничество осуществлялось достаточно плавно (Европейский Союз и Североамериканская зона свободной торговли), однако в последнее время возникла напряженность (дебаты о будущем евро), а борьба за выживаемость (как экономическую, так и политическую) приобретает драматический характер и проявляется в углубляющейся «эгоистичной» и протекционистской политике.

Сейчас закономерным представляется вопрос: до каких пор Германия будет защищать экономики стран Европейского Союза за счет средств своих налогоплательщиков? Когда и каким образом установка правительства Меркель на уменьшение расходов и повышение налогов в пользу Греции будет направлена на поддержку собственных сокращающихся социальных программ?

Иными словами, в рамках глобальной экономики возникающие «центры восстановления» неизбежно оказывают влияние на ближайших соседей. Эта тенденция будет иметь развитие по двум причинам: 1) это «национальный эгоизм», заключающийся в стремлении к более высокой скорости восстановления, чем у других; 2) такие центры ставят перед собой менее эгоистичные (менее национально ориентированные) задачи по поддержанию региональной экономической и политической стабильности (хороший пример — Германия).

В-третьих, «зоны» послекризисного восстановления, вероятно, будут проводить различную политику ускорения возобновившегося роста и возвращения стабильности (экономической и др.). Эти стратегии разительно отличаются друг от друга, порождая, таким образом, еще большую неопределенность и обуславливая возникновение «конфликтов стратегий» между ключевыми игроками мирового рынка. Некоторые конфликты такого рода уже проявились. Например, если Китаю сегодня выгодно поддерживать уровень своего роста, то это не лучший выбор для США или ЕС (и даже для ближайших соседей Китая). То же относится к ЕС и Латинской Америке, к США и ЕС, в рамках североамериканского континента — к США и Канаде.

Дело в том, что расходящиеся экономические стратегии могут создать дополнительную глобальную напряженность (например, при установлении курса обмена валют или степени государственного вмешательства в экономику). США наряду с другими сильными странами Европейского Союза и с некоторыми странами с развивающейся рыночной экономикой, скорее всего, изберут различные экономические пути развития, с учетом прежде всего национальных и региональных проблем. Например, Германия продолжит политику жесткой экономии,

тогда как США избирают совершенно другой путь — понижение налогов и большие денежные вливания в экономику. Страны с развивающейся экономикой сосредоточивают свои усилия на сдерживании растущей инфляции и несбалансированности в торговле, а также на борьбе с нищетой.

Неудивительно, однако, что несколько переменных повлияют на вышеописанный сценарий. Несмотря на то что *макроэкономический* дисбаланс, скорее всего, приведет к новому геополитическому *дисбалансу* и, таким образом, к еще более неоднородному распределению влияния и ресурсов, США могут потребовать заключения «особых соглашений» в рамках процесса глобального перераспределения власти и богатств.

США в течение определенного времени будут оставаться ведущей мировой державой. Я согласен с замечанием Роберта Скидельского, сказавшего, что «естественная эволюция» Америки «ведет к тому, чтобы эта страна стала пятым колесом в каждой телеге, а не рулевым всей команды». Один из главных вопросов заключается в том, будет ли Китай (и другие ключевые игроки) и далее воспринимать как должное это «пятое колесо»?

Какое место занимает Россия в сложившейся ситуации? Возможно, Россия будет воссоздавать в новой форме свою периферию, придерживаясь политики общей безопасности и энергетического сотрудничества с ближайшими соседями. Это достаточно сложная задача, поскольку за последние 20 лет Россия утратила свой промышленный потенциал и не является привлекательным партнером, в отличие от Китая или Индии. Даже беглый анализ данных о развитии стран, входящих в БРИК, демонстрирует отставание России по многим ключевым показателям. Но поскольку интерес США к соседям России снижается, такой сценарий становится вполне возможным.

Вместо заключения — несколько слов о связи экономики и политики. Выделим наиболее вероятные для глобальной политики последствия развития экономики по вышеописанному сценарию. Во-первых, новые «центры роста», вероятно, будут поглощены решением собственных проблем и в результате станут уделять меньше внимания международному сотрудничеству и решению «глобальных вопросов» (таких, как экология и локальные конфликты). Вышеописанный факт может стать предвестником конца эпохи и обусловить окончательный отказ от полного спектра либерализации и широкой глобализации. Что касается финансового управления, в ближайшем будущем мы увидим возрождение национального государства как центра власти. Во-вторых, внутренние проблемы, возможно, и не приведут к прямой конфронтации, но внешние расходящиеся интересы (а вслед за ними — и расхождения в политике) создадут в глобальном масштабе большую напряженность и обусловят непредсказуемость, что может повлечь политическую нестабильность.